

теорию недостаточно глубоко, поэтому большая их часть впоследствии стала революционерами, а не мыслителями. Помимо этого, пришедшая из СССР теория, основным содержанием которой был марксизм-ленинизм, в определенной степени восприняла влияние советской политической культуры, что привело к появлению догматического уклона» (с. 673).

Необходимо добавить, что в те годы в Москве учились китайцы, оказавшие большое влияние на становление китайской марксистской политэкономии. В 1927–1931 гг. в Москве учился и работал Шэнь Чжиюань. После окончания в июне 1929 г. Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена он поступил в аспирантуру НИИ по Китаю. В 1934 г. он опубликовал «Очерк новой экономической науки», в котором изложение учения марксизма было соединено с рассказом об экономической политике СССР. За 20 лет «Очерк» был переиздан 18 раз.

Второй заметной фигурой был Сунь Ефан, обретший репутацию ведущего теоретика экономической науки китайского марксизма

XX столетия. Он учился в Москве с конца 1927 г. до середины 1930 г. Хотя пребывание Шэнь Чжиюаня и Сунь Ефана в СССР испытало влияние тогдашних политических бурь — китайские соотечественники объявили Сунь Ефана «контрреволюционным элементом» и даже «троцкистом» — обретенный ими советский опыт стал неотъемлемой частью развития китайской экономической науки.

Знакомство с книгой Цзоу Цзиньвэня позволяет понять, что открытость внешнему миру стала определяющим фактором быстрого развития китайской экономической науки в первой половине XX столетия. Она также помогает выявить одну из причин успешности китайских реформ. Политика преобразований учитывала достижения мировой экономической науки, которую китайские экономисты знали из первых рук.

О. Н. Борох,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН

Ю. Каубе. МАКС ВЕБЕР НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ. М.: Издательский дом «Дело», 2016, 600 с.

Немецкое издание книги руководителя отдела гуманитарных наук газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (ФРГ) Ю. Каубе¹, переведенной на русский язык К. Г. Тимофеевой под научной редакцией И. В. Кушнарёвой и И. М. Чубарова, было приурочено к 150-летию юбилею выдающегося мыслителя Макса Вебера (1864–1920). Каубе сумел не только осмыслить историю жизни и творчества Макса Вебера, но и воссоздать образ эпохи модерна. В предисловии автор подчеркивает, что за время жизни его героя мир необратимо изменился: вследствие глобализации он стал единым (с. 12).

«Переплетение» мира перед Первой мировой войной историки оценивают как высшую фазу в истории глобализации². Германская империя была связана с этим процессом, в котором современники видели главную характеристику своего времени. Мобильность

товаров, людей, идей, институтов — это формы взаимодействия мира накануне Первой мировой войны. Мировое хозяйство базировалось на насильственном включении рабочей силы, сырья, рынков сбыта неевропейских обществ. Культурный и интеллектуальный трансфер — также приметы глобализации. Германская империя накануне Первой мировой войны была составной частью общемировых процессов; Макс Вебер оказался в гуще глобальной перестройки мира и попытался осмыслить этот процесс. Но главная особенность творчества Вебера, отмеченная автором, — это текучесть и переменчивость политических взглядов и научных принципов ученого на фоне трансформации эпохи.

Автор рассматривает историю жизни Вебера не только во времени, но и в пространстве, показывая роль пространства в смене научных парадигм. Пространство, даже в рамках такой страны как Германия, способно сильно влиять на пассионарность личности. Мюнхен, по мнению автора, — это вызов протестантской аскетичности.

¹ *Kaube J. Max Weber. Ein Leben zwischen den Epochen. Berlin, 2014.*

² *Conrad S. Deutsche Kolonialgeschichte. München, 2016, S. 107.*

В этой связи упомянем книгу о Вебере И. Радкау³, который всю жизнь и творчество Вебера рассматривает, исходя из принципа «Egos vs Logos». В книге Каубе отражена сексуальность Вебера. Это тема раскрывается автором в главах «Весь мир обсуждает эротические проблемы», «Поздняя молодость и кровавый маскарад: Макс Вебер и советская республика», «Конец». В ходе повествования о Вебере можно наблюдать переплетение чувственности и этики убеждения, сквозь призму которой великий мыслитель воспринимал, например, процесс Эрнста Толлера. Он был, в представлении Вебера, сторонником этики убеждения и стремился, руководствуясь сугубо этическими мотивами, изменить мир, но не учитывал последствий своих действий (с. 536).

Этическое начало присутствует в интерпретации Вебером революции: «и это могло стать надгробным памятником того карнавала (имеется в виду оправдание Арко — убийцы Эйснера. — *Н.Р.*), что получил гордое имя революции. Теперь же Эйснер будет жить в народе, потому что продолжает жить Арко. Это не на пользу стране» (с. 539).

Национализм, агрессивный эскапизм — вот с чем столкнулся Вебер, когда в 1918 г. студенты университета Мюнхена сорвали его лекцию и освистали профессора. Возможно, как пишет Каубе, среди них были будущие функционеры национал-социализма, которым не понравились слова Вебера о том, что «глупость хуже непатриотического поведения» (с. 541). Как отмечает автор, «в веберовской типологии программ спасения не было этой ярости разрушения, так же как не было в ней идеи, будто спасение может зависеть от уничтожения конкретных врагов. Сегодня трудно не заметить в ней религиозные черты» (с. 541).

Вызовы протестантизма отчетливо просматриваются в осмыслении последнего курса лекций ученого «Основы всеобщей социальной и экономической истории». Предыстория режима большевиков, пришедших к власти в России в октябре 1917 г., была связана, по мнению Вебера, с тем, что «рабочий класс был лишен надежды на вечное блаженство после смерти» (с. 548).

Каубе отмечает роль этических принципов в жизни Вебера и показывает, что здесь были немалые противоречия. Многоплановость, разноречивость — это еще одна особенность книги. В книге присутствует тема одиночества Вебера на излете его жизни: он

одинок в научном плане, разочарован в политике, которая разрушила ценность науки, уничтожив тем самым духовный мир мыслителя (с. 551).

Дискуссионный вопрос о мотивах человеческого поведения и главной идее «Протестантской этики и духа капитализма» оказался в фокусе внимания Каубе, который отмечает, что главный тезис «Протестантской этики и духа капитализма» Вебера звучит так: «Решение Бога о том, кого он обречет на честные муки, а кого избавит от них, совершенно не поддается логическому объяснению. А поскольку в этой ситуации неопределенности экономический успех трактовался как знак божественного расположения, это невольно способствовало утверждению аскетического мировоззрения. Трудолюбия и систематической дисциплины в повседневной жизни, что стало одной из предпосылок зарождения промышленного капитализма» (с. 176). Автор утверждает, что для Вебера индивидуализм, образование, наука, городская жизнь являются наследием Реформации. В начале XX в. все это стало в Германии элементом исторической традиции, а индивидуализм интерпретировался прежде всего как свобода выбора.

Интерпретация Вебером событий первой русской революции — еще один важный сюжет книги. Обращение Вебера к России было вне присущей протестантизму бережливости и экономии усилий. Вебер стал изучать русский язык (что потребовало от него невероятных усилий), добывал информацию через друзей.

Ю. Давыдов — один из самых авторитетных российских исследователей творчества М. Вебера, настаивает на существовании имманентной связи его произведений о России и «Протестантской этики и духа капитализма»⁴. Каубе посвящает этому сюжету главу «Россия, социализм и организованное общество». По его мнению, для Вебера «Россия рубежа веков пример того, что историческую последовательность социальных изменений невозможно «наверстать» на основании существующих образцов, а демократия, как и индивидуализм не возникает автоматически в качестве побочного явления экономического развития» (с. 429). Ученый, по мнению автора, не видел в России предпосылку для укоренения свободы. Каубе тонко подметил, что на примере России Вебер пытался поставить «политический диагноз эпохи» (с. 431), прове-

³ Radkau J. Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München, 2013.

⁴ Ростиславлева Н. В. Дискурсы свободы в восприятии Максом Вебером России в 1905–1906 гг. — Диалог со временем, 2013, № 45.

сти параллели с Германией и выразить восторг в связи с политическими и интеллектуальными кризисами, которые должны пробудить свободу (с. 431–432).

Первая мировая война в интерпретации Вебера — еще один важный сюжет книги. Авторская позиция в чем-то созвучна книге В. Моммзена⁵, но Каубе ставит иной акцент: «неудача Вебера повлиять на немецкую политику в мировой войне связана с его непониманием, что эпоха “политики ученых” давным-давно прошла» (с. 472).

Многогранность, противоречивость масштабной личности Вебера показаны автором в полной мере, поэтому противоречия в тексте — прежде всего противоречия самого героя.

⁵ *Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik. 1890–1820. Tübingen, 1974.*

Хотелось бы отметить хороший перевод и профессиональное научное редактирование русского издания книги Каубе. Правда, не понятно, почему перевод названия книги, помещенный на обложке и на форзаце, разный. На обложке переводчик и редакторы предлагают перевод «Макс Вебер на рубеже двух эпох», на форзаце — «Макс Вебер. Жизнь на рубеже эпох». Второй вариант больше соответствует оригинальному названию и авторскому замыслу. Но, видимо, и в переводе книги о Максе Вебере должен присутствовать некий необъяснимый элемент, который, как и личность великого ученого, нужно «расколдовывать».

Н. В. Ростиславлева,
доктор исторических наук, профессор
Российского государственного
гуманитарного университета
и Национального исследовательского
ядерного университета МИФИ

A. Tischer. LUDWIG XIV. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2017, 243 S.

А. Тишер. ЛЮДОВИК XIV. Штутгарт, 2017, 243 с.

Исследование личности Людовика XIV, проведенное профессором университета Вюрцбурга Анушке Тишер, построено по проблемно-хронологическому принципу, в рамках которого на первый план выходит проблема, и эта проблема — сам Людовик XIV. Его содержание представляет собой скорее анализ, нежели описание фактов и событий жизни и деятельности короля.

В первой главе речь идет преимущественно о рождении образа монарха. О Людовике создавались мифы и антимифы, одинаково близкие и далекие от реальности. Его апологеты создавали образ короля, умиротворившего Францию после Фронды, а его противники вели против него активную политическую, военную и пропагандистскую кампанию, критикуя не только его действия, но и «инсценировку» власти, которой сами же подражали. Автор показывает, что Людовик, едва начав самостоятельно править, создавал свой собственный образ, который должен запомнить мир и его потомки. «Король играл свою роль как первый монарх в мире» (с. 13–14).

Особое внимание Тишер обратила на символику эпохи — Солнце. По ее мнению, сам король ввел эту символику с целью подчеркнуть свое главенство в христианском мире, нарушая тем самым существовавшую иерархию во главе с императором Священной

Римской империи. Вообще соперничество Людовика XIV и императора Леопольда I красной нитью проходит через всю книгу. Французский король был иным «Солнцем» — его символ отражался в строительстве, праздниках и творчестве исключительно в применении к нему самому. Еще его солнце означало силу, которая и согревает, и сжигает (с. 15). Тишер выводит на первый план внутривнутриполитические и культурные достижения короля, вопреки вновь обретшей популярности точке зрения отрицательно относяся к его внешней политике.

Во второй главе Тишер отмечает, что король, исполняя необходимые и церемониальные обязанности, рос в условиях «активной презентации» своих задач. Автор справедливо подчеркивает нетипичные для взрослого правителя особенности жизни юного Людовика: тяжелые условия гражданской смуты — Фронды (1648–1653), доверительные отношения с матерью Анной Австрийской, чего не было в жизни его отца, отсутствие систематического образования. Всё это сделало его человеком, который черпал силу из своего положения и был свободен в выборе того, что искать. Другие династии, как Габсбурги, столетиями вырабатывали и совершенствовали династическую ролевую модель, а Бурбоны были молодой династией с проблемой